

Агент h21

ВЛАДИМИР
ЗЫРЯНЦЕВ

МАТА ХАРИ

ПУЛЯ
ДЛЯ ОБНАЖЕННОЙ

Агент h.21. Женщина-шпион

Владимир Зырянцев

Мата Хари. Пуля для обнаженной

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зырянцев В.

Мата Хари. Пуля для обнаженной / В. Зырянцев — «Эксмо»,
2017 — (Агент h.21. Женщина-шпион)

ISBN 978-5-699-95914-3

Все было не так. Таинственная Мата Хари, исполнительница экзотических танцев и стриптиза, изящно работавшая на германскую разведку, не была расстреляна в пригороде Парижа французскими солдатами. Обаятельный резидент с кодовым позывным h.21 невероятным образом выжила, и тюремный врач Антуан Моро, спасший ее, теперь имел все основания рассчитывать на взаимные чувства. Но Мата Хари, родившись заново, не начала новую жизнь. Прогулки по тонкой грани между пороком и благотворительством опять стали для нее опасным увлечением и неудержимой страстью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95914-3

© Зырянцев В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Владимир Зырянцев

Мата Хари. Пуля для обнаженной

Глава 1

Это был чудный, чудный день! 15 октября... Конечно, она больше любила весну, она сама была олицетворением всего весеннего, солнечного. Но сегодняшний день тоже хорош. Хотя листва уже облетела с деревьев, но трава вдоль дороги все еще зеленела; покрытая каплями влаги, она искрилась, как изумрудный ковер. Маргарет, не отрываясь от окна машины, все смотрела и смотрела на эту траву, на голубое небо... Два конвоира, сидевшие напротив нее, всю дорогу хмуро молчали, хотя она и пыталась с ними заговорить.

Эти двое солдат, с их винтовками, не давали ей забыть хоть на время о том, что ждет ее в конце поездки. Смерть! Как странно! Она никак не могла поверить, что она может сегодня умереть, хотя за полгода, проведенных в камере, казалось бы, должна была привыкнуть к этой мысли, да и вообще смерть в ее жизни не раз была рядом. Она унесла ее любимого сына, потом забрала нескольких ее друзей... И теперь сама Маргарет была обречена умереть. Но – вот удивительно! – она не ощущала никакого страха. Скорее переживала все происходящее сегодня как некое приключение. Очередное приключение, которое приготовила ей причудливая судьба. Ее жизнь не похожа на жизнь других людей, вот и смерть будет совсем другая, не такая, как у всех.

Автомобиль повернул, и деревья за окном исчезли, сменившись кирпичной стеной. Затем машина миновала ворота и въехала во двор казармы. Дверь распахнулась, в ней показался какой-то офицер.

– Прошу мадам выйти! – сурово произнес он.

Она вышла. Увы, здесь не было никаких деревьев, никакой травы – только скучный асфальт плаца, высокий забор вокруг и два столба, стоящих вплотную к забору. Там, у столбов, ожидала группа людей: молодая монахиня, чуть старше ее самой, еще один офицер, пожилой, усатый и очень важный, ее заботливый адвокат мсье Ришар и, наконец, Антуан – тюремный врач, с которым она познакомилась четыре месяца назад в Венсене. А в стороне стояла шеренга солдат с ружьями на плечах.

– Пройдите сюда, мадам! – все так же важно и сурово произнес лейтенант, встретивший ее возле машины.

Она подошла к ожидавшим. Пожилой офицер (кажется, полковник, хотя она так и не научилась разбираться во всех этих нашивках) выступил вперед, раскрыл папку, которую держал в руке, и произнес:

– Мадам Маргарет Маклеод, известная также как Мата Хари! Военным судом Французской республики вы приговорены к смертной казни за шпионаж в пользу противника. Приговор будет приведен в исполнение сегодня. У вас был утрое священник?

– Да, я причастилась, – ответила она и улыбнулась.

Полковник с удивлением посмотрел на нее. Да и другие были удивлены. Только на лице Антуана не проявлялось никаких эмоций, он все отводил взгляд куда-то в сторону. А она просто не могла заставить себя быть серьезной. Даже сейчас, услышав эти слова: «Приговорены к смертной казни», она не чувствовала себя обреченной.

– Если вы захотите в эту последнюю минуту приобщиться святых тайн, вам поможет сестра Кларисса, – сказал полковник. – Подойдите сюда, сестра!

Монашка послушно шагнула вперед и подошла к Маргарет. Она выглядела ужасно огорченной, и Мата Хари захотелось ее утешить. Монахиня протянула ей крест, и Маргарет поце-

ловала его. Ведь она всегда верила во Всевышнего, просила у Него прощения за свои прегрешения. Она еще раз поцеловала крест, а затем, подчиняясь неожиданному порыву, сбросила с плеч пальто и протянула его монахине:

– Возьмите, сестра, прошу вас! – сказала она. – Пусть оно останется у вас на память обо мне. Я так хочу, чтобы у всех, кто видит меня сегодня, я осталась в памяти!

Долю секунды монахиня колебалась – видимо, не знала, может ли принять этот дар, не будучи впоследствии осужденной за это монастырским начальством. Но затем глубоко поклонилась осужденной и приняла пальто из ее рук.

– Так, теперь подойдите к этому столбу! – скомандовал полковник. – Лейтенант, пусть один из ваших людей выйдет из шеренги.

Молодой офицер повернулся к солдатам, и один из них, выйдя из строя, направился к Маргарет.

– Веревка есть? – спросил у него полковник. И, когда солдат, кивнув, достал из кармана моток бечевки, приказал: – Свяжи ей руки и привяжи к столбу!

Солдат уже шагнул к Маргарет, но она жестом остановила его и обратилась к тому, кто распоряжался сейчас ее судьбой:

– Послушайте, господин полковник! Я прошу, чтобы меня не связывали. Я буду честно стоять у столба, не попытаюсь бежать или уклониться от пули. Но мне хотелось бы в эту решающую минуту чувствовать себя свободной. Пожалуйста, будьте милосердны, выполните мою просьбу!

– Не связывать рук? – переспросил полковник. Задумался ненадолго и, пожав плечами, пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь: – Правилами это не запрещено... И если вспомнить все случаи... Хорошо, пусть вас не связывают. А как насчет повязки на глаза? Ее вы тоже не хотите?

– Да, тоже не хочу, – подтвердила Маргарет. – Я не боюсь смерти и готова смотреть ей в лицо. А еще я хочу видеть этот мир до последнего мгновения, которое мне отпущено.

– Ладно, согласимся и с этим, – кивнул полковник. – В таком случае становитесь к столбу.

– Вот здесь? – спросила она.

– Да, здесь. Командуйте, лейтенант. А вы отойдите, господа. Сюда, сюда. И вы, сестра, тоже.

Монахиня отошла от Маргарет последней и, уходя, все время оглядывалась. И адвокат оглянулся. А вот Антуан не оглянулся ни разу. Это ее немного расстроило. Ведь она знала, что доктор Моро ее любит. Любит еще с той первой встречи в тюремной камере, в Париже. И потом, когда ее держали в Венсене, он приезжал к ней, осматривал. Они мало разговаривали – ведь каждое их слово слышали надзиратели. Но его глаза сказали ей все, что не могли сказать губы. Глаза – и руки. О, тут она не могла ошибиться! Она всегда чувствовала, что означает прикосновение мужских рук – только ли желание обладать ею или искреннюю любовь. Обладать ею желали многие мужчины – почти все, кто видел ее вблизи. Уж такое у нее было свойство – возбуждать в мужчинах желание. Но ведь желание – это совсем не то, что любовь, эту разницу она знала. Прикосновения доктора Антуана Моро были наполнены любовью. Она буквально изливалась с кончиков его пальцев. Да, он по-настоящему любил ее. А вот теперь даже не хочет посмотреть в ее сторону. Хотя, пожалуй, его можно было понять. Наверно, он мучается, бедняжка. Переживает за нее. Если бы она могла что-то сказать ему, не причинив этим неприятностей доктору, она бы сказала, чтобы он не страдал так.

Но куда он все время так пристально смотрит? Ах, да, на солдат. Но зачем?

– Отделение, шагом марш! – скомандовал лейтенант. – Стой! В ружье!

Их было двенадцать. Двенадцать молодых солдат, совсем еще мальчишек. Держа винтовки на изготовку, они смотрели на нее с испугом и жалостью. Только один глядел набычив-

шись, как на врага. Ей так хотелось как-то их поддержать, что-то подарить! И вдруг она придумала! Ну, конечно же! Ее тело! Она подарит им саму себя!

Рука Маргарет метнулась за спину, к застежке платья. Миг – и платье полетело на асфальт. За ним последовало нижнее белье. И прекрасная танцовщица предстала перед своими палачами обнаженной – такой, какой бывала на сцене в конце каждого своего танца.

Молодой лейтенант выпучил глаза. Он совершенно не знал, что делать! Метнулся, было, к заключенной, чтобы как-то прекратить это безобразие, но тут же остановился – видимо, представил, как он будет выглядеть, пытаясь натянуть на Маргарет ее одежду, – и в растерянности оглянулся на полковника. Но тот тоже не знал, что делать! Видимо, он уже жалел, что разрешил заключенной оставить руки свободными. Если бы он знал, что она так преступно воспользуется его милосердием... Но было уже поздно жалеть, надо срочно решать, что делать дальше. И полковник решил сделать вид, что ничего особенного не происходит.

– Продолжайте! – крикнул он лейтенанту. – Чего вы стоите?

– Слушаюсь! – ответил офицер и, повернувшись к солдатам, скомандовал: – Целься!

Винтовки поднялись, двенадцать стволов уставились на Маргарет. Теперь она не видела лиц солдат, видела только эти стволы. Ну и пусть! Она все равно не боялась. Ну, разве что самую малость. Неужели сейчас...

– Огонь! – выкрикнул лейтенант.

Грянули двенадцать выстрелов. Стоявшие в стороне люди видели, как брызнула кровь, как стоявшая у столба женщина пошатнулась. Колени ее подломились, она рухнула на асфальт. В ту же минуту доктор Моро сорвался с места и быстрыми шагами, почти бегом направился к казненной. Остановившись рядом с телом, опустился на корточки, взял безжизненную руку женщины, смерил пульс. Коснулся артерии на шее. Поднял и опустил веко. Бегло осмотрел рану. Из груди, откуда текла кровь, уже целая кровавая лужа образовалась под телом. Затем обернулся к ожидавшим людям и громко произнес:

– Мертва!

Это слово было по-разному воспринято людьми, стоявшими во дворе. Полковник удовлетворенно кивнул. Лейтенант вздохнул с облегчением. Адвокат тоже вздохнул – скорее, с жалостью. Монахиня заплакала. А солдаты почему-то с удивлением переглянулись. Так поступили все, кроме того парня, что смотрел на осужденную, как на врага. Он зло ухмыльнулся И, не дожидаясь команды, закинул винтовку за спину.

– Я отвезу тело в морг, – сказал доктор полковнику.

– Да-да, конечно, голубчик, – ответил тот и поспешил к ожидавшей вдали пролетке.

За ним потянулись остальные. Лейтенант скомандовал солдатам, и те, построившись, направились к казарме.

Спустя несколько минут во дворе не осталось никого, кроме доктора и казненной...

Глава 2

Первым ее ощущением после пробуждения была боль. Левое плечо жгло невыносимо, и она застонала. Вторым ощущением был свет. Яркий солнечный свет пробивался откуда-то справа. Слева боль, справа свет – как интересно! Она с трудом открыла глаза. Увидела высокий белый потолок, такие же стены, простенькую мебель. Она лежала на кровати, похожей на больничную, в небольшой комнате. Где она? Почему оказалась в этом месте? Что с ней случилось?

Память возвращалась медленно, рывками. Поездка на автомобиле с двумя хмурыми конвоирами... Двор казармы, залитый солнечным светом – таким же, как сейчас... Важный полковник, зачитывающий приговор... Шеренга солдат напротив, и дула винтовок, уставившиеся ей прямо в грудь...

Да, расстрел! Ее расстреляли! Она должна была умереть. Но тогда почему она здесь? Что это за место?

Маргарет оглядела себя, насколько это было возможно. Левое плечо было укутано толстым слоем бинтов, и оттуда, из-под бинтов, била острая боль, от которой она проснулась. А что с остальным телом? Правой рукой она ощупала себя, потрогала лицо. Все вроде цело. Ах, если бы здесь было зеркало! Она всегда начинала день с того, что оглядывала себя в зеркале. Потом уже одевалась и снова садилась перед трюмо – подводить веки, красить губы. Без этого она была не готова встречаться с людьми. Чувствовала себя хуже, чем раздетой. Раздетой как раз ничего, а вот с неухоженным лицом нельзя было никому показаться.

Она поискала глазами какое-нибудь зеркало. Ничего! Нет, это ужасно! Даже в тюрьме у нее было зеркало. Лишить ее самого необходимого могли только ее недруги, ее палачи. Может быть, она умерла и находится в аду? Да, это похоже на правду. Значит...

Она не успела додумать: послышались шаги, и дверь открылась. В комнату вошла женщина в белом халате, со шприцем в руках. Женщина была пожилая и, что удивительно, – темнокожая! В точности такая, как слуги в их с мужем доме на Яве. Значит, она и правда умерла: вот являются призраки из прежней жизни. Того и гляди...

Она не успела додумать, какой еще призрак может ей явиться, как, взмахнув руками, воскликнула:

– Она очнулась! Мадам очнулась! Доктор, скорее!

Вновь послышались шаги, и в комнату вбежал доктор Антуан Моро. Кинулся к кровати, схватил правую, здоровую руку Маргарет, приник губами к ладони.

– Слава богу, ты очнулась! Я уже начал бояться, что этого никогда не случится. Ведь ты была без сознания двое суток!

– Здравствуй, Антуан, – ответила Маргарет. – Я тоже рада тебя видеть. Ты говоришь, я очнулась? Значит, я не умерла?

– Нет, ты не умерла, – с любовью, глядя на нее, проговорил доктор Моро.

– Но... как же так? Ведь они стреляли! И моя рука... И потом... где я в таком случае?

– Сейчас я тебе все расскажу, – пообещал Антуан. – Жоржет, дай мне шприц, я сам сделаю мадам укол. А перевязку сделаем позднее, после обеда.

Негритянка передала доктору шприц, и он поднял ее правую руку, помассировав вену, ввел под кожу тонкую иглу. Маргарет поморщилась от боли. Но тут же почувствовала, что другая боль, мучительная боль в левой руке, куда-то уходит. Стало так хорошо!

– Ну что, тебе лучше? – спросил Моро.

– Да, очень хорошо! Но знаешь, чего мне не хватает?

– Чего же?

– Зеркала! Милый, прикажи, чтобы здесь поставили трюмо! И чтобы принесли мою сумочку, где я держу мои туши и краски. Я должна привести себя в порядок.

– Мы обязательно поставим здесь трюмо, дорогая, – ответил доктор. – Но чуть позже, когда ты сможешь вставать. Сейчас же я попрошу Жоржет принести какое-нибудь зеркало. Маленькое, чтобы его можно было держать одной рукой. Найдется у нас такое?

– Думаю, найдется, господин Антуан, – сказала негритянка и вышла из комнаты.

Как только дверь за женщиной закрылась, Маргарет спросила:

– Ради всего святого, объясни, кто она такая? Когда я увидела это черное лицо, я подумала... Черт знает, что подумала!

– Не бойся! – улыбнулся Антуан. – Это наша старая служанка. Она из Сенегала и была в нашей семье, когда мы еще жили в колониях. Возвращаясь во Францию, мой отец взял ее с собой. Она очень предана нашей семье и мне лично. Я могу полностью на нее положиться, доверить ей любую тайну. И когда я привез тебя сюда, первой, кого я позвал на помощь, была именно Жоржет. Не знаю, что бы я делал без нее...

– Привез сюда? Но где я? Что это за место? И вообще, как случилось, что я не умерла?

– Вот об этом я и хотел тебе рассказать. Понимаешь, когда я впервые увидел тебя в тюрьме... С того самого момента я понял, что люблю тебя и не могу прожить без тебя и дня.

– Я это знала... – тихо произнесла Маргарет.

– Знала? Ну да, женщины чувствуют такие вещи. К тому же ты так тонко все чувствуешь... В общем, с каждым днем я все сильнее привязывался к тебе. Между тем я знал, что смертный приговор не будет отменен и срок казни приближается. Я был в отчаянии! В моей голове рождались планы твоего спасения, но все они были невыполнимы. Наконец я остановился на самом, казалось бы, нелепом и странном плане, который целиком был основан на силе твоего обаяния. Я решил довериться солдатам, которые будут приводить приговор в исполнение, поговорил с каждым и сумел убедить всех, кроме одного...

– Убедить? В чем?

– Я уговорил их не стрелять в тебя. Выстрелить мимо. Лишь одного убеждать было бесполезно. Его брат погиб на Марне, и он считал тебя виновной в этой смерти. Я даже не стал с ним разговаривать – он мог бы передать наш разговор офицерам, и тогда все рухнуло бы. А так все прошло наилучшим образом. В решающий момент ты пришла мне – то есть прежде всего себе самой – на помощь. Сделала то, чего никто не ожидал...

– Это когда я разделась?

– Ну да! Я смотрел на лица солдат и видел, как они восхищены твоей красотой. Они просто не могли в тебя выстрелить! Стрелял только один. И попал. Из-за него у тебя раздроблено плечо, ты потеряла много крови...

– Но ведь я была жива! Как же тебе удалось...

– Объявить тебя умершей? Никто из офицеров не хотел подойти к тебе. И когда я сказал им, что ты мертва, они поверили. А потом я со своим слугой Марселем погрузил тебя в пролетку и привез сюда. Ты – в моем деревенском доме в Сен-Дени. Конечно, это не слишком надежное убежище – близко от Парижа, но я больше ничего не мог придумать. Тут ты пробудешь, пока залечишь свою рану, а потом... – Антуан запнулся, лицо его помрачнело.

– Что потом, милый?

– Я не знаю, что будет потом, – признался он. – Когда ты выздоровеешь, ты сама решишь, что тебе делать, куда поехать. Видимо, тебе надо будет выбраться из Франции – здесь тебя по-прежнему считают преступницей, хотя преступницей мертвой. К тому же в Париже у тебя слишком много знакомых. Достаточно кому-то тебя узнать – и все пропало. Второй раз я уже не смогу тебя спасти...

– Да, ты прав, мне надо будет уехать. Но почему ты стал такой грустный?

– Потому что я не знаю, захочешь ли ты, чтобы мы уехали вместе. Я до сих пор не знаю, кто я для тебя, не знаю... – Он остановился, не в силах произнести то, что мучило его все эти дни.

– Не надо, милый, – нежно проговорила Маргарет. – Не надо тревожиться. Конечно, ты для меня не просто мой спаситель, которому я благодарна и буду благодарна до конца жизни. Еще там, в тюрьме, когда я почувствовала твое прикосновение, я поняла... что ты мне не безразличен. А теперь, после всего, что случилось, – тем более. Мое сердце наполняется любовью к тебе, как сосуд, опущенный в источник, наполняется чистой водой. И когда я буду настолько здорова, что смогу уехать...

– Говори! Говори еще, любимая! – воскликнул доктор.

Но тут послышались шаги, и в комнату быстро вошла темнокожая Жоржет, держа в руках целых три зеркала разных форм и размеров. Не обращая внимания на взволнованное лицо доктора Моро, она подошла к кровати и, протянув Маргарет зеркала, гордо заявила:

– Вот что я сумела найти! Целых три! Одно мое – вот это, побольше. Я сняла его со стены в своей комнате. Одно стояло на буфете в столовой, а третье я нашла в комод у покойной мадам Моро. – Она повернулась к доктору и с извиняющимся видом произнесла: – Конечно, вы можете сказать, что я поступила дурно, что взяла вещь вашей покойной матери, но это зеркало было первым, о котором я вспомнила. Если скажете, я положу его обратно.

Маргарет и Антуан ответили ей одновременно, но совершенно разное.

– Нет, почему же это дурно? – сказал доктор. – И не надо класть обратно, возможно, Маргарет оно понравится.

А Маргарет кивнула служанке:

– Конечно, Жоржет, вы можете его отнести. Я возьму вот это, поменьше. Оно отлично поместится на этом столике.

Тут они слышали друг друга и рассмеялись. И служанка, глядя на них, тоже засмеялась. Доктор еще некоторое время настаивал, чтобы Маргарет взяла все три зеркала, пообещал, что сегодня же придет Марселя, чтобы повесить самое большое зеркало на стену, а спустя пару дней поставит в комнату трюмо. Но Маргарет все же настояла, чтобы вещь покойной матери Антуана вернулась на свое место в комод. Наконец тема зеркал была исчерпана, и Жоржет ушла. Как только они остались вдвоем, Антуан взял в свои руки здоровую руку Маргарет и, покрывая ее поцелуями, произнес:

– Правильно ли я понял тебя, любимая, что, когда ты поправишься, мы сможем уехать вместе?

– Да, дорогой, – ответила она, – так и будет. Мы поедем вместе, и ты сам выберешь, куда мы отправимся. Но, извини... меня что-то тянет в сон...

– Какой я глупец! – воскликнул доктор Моро. – Ведь так и должно быть после введения морфия. И вообще тебе надо больше спать. Больше спать и хорошо питаться – вот секрет выздоровления. Спи, дорогая моя, и пусть тебе снятся только хорошие сны.

С этими словами он вышел из комнаты. А Маргарет вытянулась на кровати и повернулась на бок. Мысли уже путались у нее в голове. Снова мелькнуло воспоминание о расстреле, но оно уже не было главным, не заслоняло все остальное. Как сказал Антуан? «Пусть тебе снятся только хорошие сны...» Да, сейчас хочется думать о хорошем. Например, о ее первом выступлении – том самом, с которого началась ее слава. Где же это было? Ну, конечно, здесь же, в Париже, где ее жизнь едва не закончилась. Кажется, это произошло в марте. Правда, строго говоря, первое выступление случилось раньше, но самая большая радость связана с этим днем, 16 марта...

Глава 3

Шестнадцатого марта 1905 года особняк банкира Шарля Гимэ на улице Риволи блистал огнями. Дорогие фиакры и только входящие в моду авто вереницей подъезжали к подъезду. Из них высаживались господа в дорогих пальто и дамы в накидках из соболя, песка или страусиных перьев. Все они предвкушали нечто особенное, небывалое. Ведь сегодня должна была выступить эта загадочная танцовщица с Востока, то ли с Явы, то ли из Индии. Из уст в уста передавали ее странное имя – Мата Хари. Она успела всего несколько раз выступить в разных залах Парижа, но завоевала такую славу, которой могли позавидовать самые известные балерины или оперные певицы. Те, кто сумел побывать на выступлениях Маты Хари, говорили, что это нечто совсем, совсем особенное, даже и сравнить не с чем. «В ней кроется очарование Востока, в этой девушке! – восклицали ценители. – словно перед вами танцует сам бог Шива! Вы совершенно теряете голову, время куда-то исчезает...» Вот и здесь, в особняке Шарля Гимэ, был один такой ценитель, уже видевший выступление знаменитой танцовщицы. Остальные гости банкира, входя в вестибюль, невольно прислушивались к тому, что этот человек рассказывал своему знакомому:

– Понимаете, дорогой Раймон, мне показалось, что я вдруг перенесся в какой-то восточный храм. Эта чарующая музыка, этот аромат благовоний... Но главное – она, она сама! Неподражаемая грация! И сколько магии в этом танце! Какая смелость! Вы знаете, что она делает на сцене? Она раздевается! И в конце – вы не поверите! – остается...

Тут все, находившиеся рядом с рассказчиком, наострили уши и проявили особенный интерес. Но – увы! – не услышали ровно ничего, потому что ценитель экзотической танцовщицы наклонился к уху своего знакомого и самую интересную подробность сообщил ему одному. Этим он еще сильнее разжег интерес посетителей особняка, и они потянулись к лестнице, ведущей на второй этаж, где, собственно, и должно было состояться выступление.

Впрочем, надо заметить, что гости банкира Гимэ проявляли интерес не только к предстоящему выступлению, но и к самому дому, в котором оказались. Ведь это был не обычный особняк. Банкир Шарль, будучи большим поклонником всего восточного, устроил в своем доме настоящий музей Востока. Поднимаясь по лестнице, а затем проходя через анфиладу залов, гости банкира только успевали крутить головами. Чего здесь только не было! Роскошные ковры; ларцы, крышки которых были инкрустированы изумрудами и рубинами, мечи и кинжалы индийских раджей, расписные индийские ткани, статуи восточных богов разного размера, некоторые из которых имели по четыре руки, а некоторые – по восемь или даже двенадцать! Все диковинки этого музея трудно было перечислить.

Еще гуще был заставлен и завешан разными восточными артефактами зал, в котором должно было состояться выступление знаменитой танцовщицы. Занавес, скрывавший сцену, был расшит изображениями богов и чудовищ индуистского пантеона, по бокам сцены стояли золотые чаши, в которых курились какие-то благовония, сладостный, дурманный аромат разливался в воздухе зала, откуда-то звучал мелодичный перезвон. Все это, несомненно, производило большое впечатление на посетителей, в зале стоял сдержанный говор – гости обменивались впечатлениями. Между рядами сновали лакеи, обносившие зрителей шампанским, аромат дорогих сигар смешивался с запахом восточных благовоний.

Владелец особняка и собиратель восточной экзотики господин Гимэ сидел в особой ложе. Оглядывая зал, он испытывал законную гордость. Выступление еще не началось, но уже можно было сказать, что гости заинтригованы. А ведь все это люди богатые, влиятельные, которые успели побывать в разных странах и многое увидеть. Собравшихся в зале гостей было немного, человек семьдесят, но это были самые сливки парижского высшего общества. И не только парижского.

В середине третьего ряда сидел невысокий человек восточного вида, но при этом в безукоризненном фраке и с гвоздикой в петлице. Это был посол Японии Масахата Кавабари. А в следующем ряду можно было увидеть еще одного дипломата: высокий человек с четким пробором в волосах, подкрученными усиками и моноклем был не кто иной, как германский посол граф Глечке. В том же ряду сидел недавно приехавший американский миллионер, король угля и стали, знаменитый Генри Морган. А в ложе, наподобие хозяйской, в противоположной части зала мсье Гимэ видел самого дорогого (в буквальном смысле) из своих гостей – известного финансиста барона Ротшильда. В первом ряду расположились корреспонденты самых влиятельных парижских газет – «Суар» и «Ля пресс».

Никакого конферансье на концерте не предусматривалось – как считал хозяин особняка, Мата Хари не нуждалась в представлении. Просто в какой-то момент половинки занавеса дрогнули и стали раздвигаться, большая люстра на потолке зала потухла, зал погрузился в полумрак. Все разговоры мгновенно стихли, зрители уставились на сцену. Несколько секунд она оставалась пустой. Затем зазвучала непривычная для европейского уха музыка, доносившаяся неизвестно откуда – музыкантов видно не было. И вот на сцене появилась Она. Потом, вспоминая этот момент, никто из зрителей не мог бы сказать, откуда и как Мата Хари вышла на сцену. Она не вышла – она именно появилась. Только что ее не было – и вдруг она здесь.

Знаменитая танцовщица была закутана в яркие индийские ткани, расшитые золотыми узорами. Она сделала несколько движений, закружилась – и алая, синяя, оранжевая ткань затрепетала вокруг нее, словно крылья чудесной бабочки. Дивное зрелище!

Но это было лишь начало. Музыка стала постепенно ускоряться, и танцовщица, повинаясь ей, ускорила свои движения. О, это было совсем не похоже на движения классического балета с его прыжками и хождением на пуантах! Это было нечто совершенно новое, непривычное! Вот темп несколько замедлился, танцовщица почти остановилась, грациозно изогнувшись, а потом вновь закружилась, взметнув вокруг себя целый вихрь своих экзотических одежд.

Вдруг зрители ахнули: одна из накидок слетела с плясуньи и, затрепетав, словно живая, улетела куда-то в угол. Но Мата Хари этого даже не заметила, продолжая свой танец. Между тем за первым покрывалом последовало второе, третье... И вот на танцовщице осталась лишь одна тонкая накидка, которая вовсе не скрывала ее прекрасное тело, а, наоборот, подчеркивала его формы. И тогда откуда-то из задних рядов донесся крик: «Браво!» Он был подхвачен кем-то из журналистов в первом ряду. Однако всеобщим крик не стал – ведь танец еще не закончился. Движения танцовщицы все ускорялись, она закружилась в бешеном вихре – и внезапно застыла, словно изваяние. При этом последняя накидка упала к ее ногам, и на несколько секунд Мата Хари предстала перед зрителями полностью обнаженной – ее тело украшали лишь две нитки жемчуга и золотые браслеты на руках и ногах. Затем свет в зале на одно мгновение полностью погас, а когда вновь вспыхнул, сцена была уже пуста.

Весь зал, словно по команде, взорвался аплодисментами и криками: «Браво!» Вначале зрители аплодировали пустой сцене. Затем из-за кулис вышла виновница торжества. Теперь на ней было строгое черное платье, и вся она была воплощенная скромность. При ее появлении аплодисменты переросли в дружную овацию, многие зрители встали. А ведь это была не та публика, которая легко увлекается и проявляет свои чувства! И эта избранная публика оценила тот факт, что новая знаменитость не чинилась, не играла в недоступность. Отвесив зрителям глубокий поклон, она спустилась в зал и подошла к своему другу и покровителю мсье Гимэ. Их тут же окружили журналисты и особенно восторженные зрители.

На следующий день репортер «Ля пресс», покоренный выступлением Маты Хари, опубликовал в своей газете статью, в которой писал: «Мата Хари воздействует на вас не только игрой своих ног, рук, глаз, губ, не стесненная одеждой, она воздействует игрой всего своего тела». Такие же восторженные отзывы появились и в других газетах. Слухи о новой танцов-

пище шли по всему Парижу. Особо отмечалась смелость Маты Хари, ее готовность обнажить свое прекрасное тело. Этот факт, естественно, больше понравился мужчинам, а дамы, исполнительницы танцев в «Фоли Бержер», взяли его на заметку.

Уже спустя пару дней номер отеля, где жила Мата Хари, был завален букетами, которые присылали ее новые поклонники. Среди них были представители самых знатных родов Франции, банкиры, писатели, офицеры... А затем стали поступать приглашения. Ее приглашали выступать на самых известных концертных площадках, звали и в театр «Олимпия». Пригласил знаменитую танцовщицу и столь же знаменитый барон Ротшильд. Слава озарилась, как молния озаряет сад. Озарилась – и представила в выгодном свете. Да, это был лучший год ее жизни... Да, лучший год... Но почему столько боли? Разве слава причиняет боль?

Маргарет застонала – и проснулась. Она узнала комнату в доме Антуана, зеркало на стене... И ее мгновенно охватила радость от ощущения подаренной жизни. Но это длилось недолго, боль в руке, заставившая ее поморщиться, оказалась сильнее радости.

И, словно кто-то ждал за дверью ее пробуждения, она открылась, и на пороге появилась Жоржет с подносом, на котором лежал шприц. Маргарет обрадовалась, как ребенок.

– Ах, Жоржет, скорее! – воскликнула Маргарет. – Так больно!

Она сама, не дожидаясь указаний сестры, закатала рукав сорочки и подставила сгиб локтя. Однако темнокожая служанка покачала головой:

– Нет, мадам, не сюда. Этот укол делают выше, в плечо.

– Как, разве это не морфий? – обиженным тоном протянула Маргарет.

– Нет, мадам, – ответила Жоржет, умело протирая руку больной. – Доктор сказал, вам нельзя больше морфий, иначе будет привыкание, а это плохо, очень плохо! Ничего, это средство тоже поможет, только не так быстро.

И действительно, через некоторое время Маргарет почувствовала, что боль начинает отступать.

– А где же сам доктор Моро? – капризным тоном спросила она. – Почему он не пришел проведать свою больную?

– Доктор поехал покупать мадам одежду, – шепотом произнесла негритянка. – Он не велел об этом говорить, хотел, чтобы получился сюрприз. Но я вам, так и быть, скажу. Он будет покупать и платья, и туфли, и белье, и перчатки, и шляпки, еще сотни других вещей, которые требуются мадам, чтобы выйти отсюда. Ведь у мадам ничего нет, буквально ничего!

– Значит, я смогу выходить... – удовлетворенно вздохнула Маргарет, вытягиваясь на кровати. Боль отступала, становилась совсем слабой, и это было замечательно. – Какой он заботливый, Антуан... Передайте доктору, что я очень ему признательна...

Жоржет что-то ответила и вышла из комнаты. Маргарет закрыла глаза и снова углубилась в прошлое. Но теперь ей вспомнились не танцы, не выступления, не овалы публики. Воспоминания увлекли ее в тот день, когда она получила свое первое задание. Да, задания, вербовка, секретные шифры – все эти игрушки, в которые так любят играть мужчины, всегда были ей чужды. Да, она готова повторить то, что говорила тогда на допросах во французской разведке: Маргарет не считала себя шпионкой. Она позволила вовлечь себя в это занятие по двум причинам. Одной были деньги, а другой – мужчина. И сейчас ей вспомнились не коды и явки, а именно он. Да, этот день, когда ее завербовали, навеки связался в ее памяти с именем и обликом Вернера...

Глава 4

Они познакомились еще до войны, в Монте-Карло. Ее пригласили танцевать в новом балете Массне «Король Лагорский». Балет, честно сказать, ей не понравился – не случайно его вскоре сняли с репертуара. Критики писали, что великому Массне не стоило браться за балет – его стихией была лирическая опера. Ну, и пусть. Главным было то, что ее, самоучку без всякого балетного образования, пригласили в один из лучших театров Европы. Прославленные примы завидовали ей, постановщики готовы были выполнить любой ее каприз. Но сейчас она хотела вспомнить не это, не мир балета, а то, что случилось вечером, в ресторане.

Да, он был так красив, этот мужчина! Стройный, с горделивой посадкой хорошо вылепленной головы, с аккуратно уложенными светлыми волосами. В нем сразу чувствовалась порода. Сама Маргарет Зелле вовсе не из дворян – ее отец был шляпником, но она умела отличить и оценить настоящего аристократа. А он, человек, на которого устремился ее взор в тот вечер, несомненно, был аристократом. Тогда она еще не знала его имени, и ей шепнули: барон Вернер фон Мирбах. Представитель древнего рода Мирбахов, земельный магнат, покровитель искусств. Служит в судебном департаменте, и ему прочат высокую должность. Но она уже не слушала – Маргарет никогда не интересовала карьера мужчин, к которым ее тянуло. Что ей перспективы? Она ведь не замуж за него собирается.

Красавец-барон, в свою очередь, тоже не сводил с нее глаз, и это было приятно. Вскоре он пригласил ее танцевать. Она оперлась на его крепкую руку, прижалась к сильной груди... Остальное было предопределено судьбой. Эту ночь она провела в его постели. И следующие несколько ночей тоже. Ах, это были незабываемые встречи! Вернер был чудесным любовником, просто чудесным. Но потом они, конечно, расстались. Таков уж был ее жребий: встречаться с новым человеком, увлекаться им – увлекаться страстно, до безумия! – а потом расстаться. Нет, она была не розой, что стремится укорениться в почве, скорее напоминала себе самой птичку, что перелетала с розового куста на дерево, а с него на крышу дома. Она не вила гнезда, не строила планов, не стремилась узнать привычки и пристрастия своего нового партнера, узнать его вкусы, характер – к чему? Ведь впереди ее ожидало что-то новое...

Да, тогда, в тринадцатом году, они расстались, сохранив прекрасные воспоминания о нескольких днях на Лазурном Берегу. Она не думала, что когда-либо снова встретит стройного барона с горделивой посадкой головы. Однако встретила. Причем при самых неожиданных обстоятельствах. Это случилось в прошлом году, в ее родной Гааге – родной, холодной и постылой. Она совсем туда не собиралась. После выступлений в Мюнхене и Берлине, после чудесных вечеров и ночей, проведенных в обществе интересных мужчин, она намеревалась вернуться в Париж. Но тут, как на беду, началась эта ужасная война... Кажется, стоял июль. Да, ведь в Берлине было так жарко! И Курт присылал ей в номер свежие розы... Курт был сама прелесть. Он подошел к ней после ее выступления, засыпал комплиментами... Маргарет принимала его за владельца какого-то театра или за импресарио и очень смеялась, когда узнала его настоящую профессию! Оказалось, что Курт фон Грибаль руководит зарубежным отделом германской полиции. Надо же, полицейский! Нет, он решительно не был похож на полицейского.

В тот вечер, когда она узнала о начавшейся войне, они с Куртом сидели в ресторане. Внезапно из полуоткрытого окна с улицы донесся какой-то шум. Курт пошел узнать, что там происходит. Вернулся растерянный, задумчивый и сообщил, что Германия только что объявила войну Франции. Он предложил Маргарет выйти на балкон и посмотреть на происходящее. Они вышли и увидели огромную толпу, запрудившую Унтер-ден-Линден. Люди скандировали: «Германия превыше всего!» Курт тоже присоединился к этим выкрикам. И сразу показался Маргарет совсем чужим. Она никогда не испытывала интереса ко всем этим мужским играм в политику, в национальное величие и не ощущала себя ни голландкой, ни француженкой. Если

уж на то пошло, то по национальности она была актриса, а ее государством была Сцена. Ей хотелось, чтобы все границы между странами исчезли и можно было ездить повсюду без всяких бумаг. У нее постоянно случались неприятности с этими паспортами и другими документами.

Однако так, к сожалению, думали очень немногие. И реальность оказалась совсем другой. Маргарет решила вернуться во Францию, но просто поехать в Париж, как она привыкла, нельзя – из-за войны сообщение между Германией и Францией прекратилось, и добраться до Парижа можно было только через Швейцарию. Ладно, пусть будет чопорная альпийская республика, где ее выступления не пользовались успехом. Она поехала в Базель, и тут выяснилось, что у нее нет каких-то бумажек, чтобы пересечь французскую границу. Ее чемоданы пропустили на родину Вольтера, а саму мадам Маклеод – нет! Ей было велено вернуться во Франкфурт, пойти в голландское консульство и там получить нужные бумажки. Но и после этого она, оказывается, не могла вернуться в Париж. Единственное место, куда она могла поехать беспрепятственно, была Голландия.

Маргарет буквально выходила из себя! Казалось, мир просто обезумел! Вся Европа вдруг покрылась решетками и замками, всюду лихорадочно рыли окопы, тянули колючую проволоку... Нет, она решительно ненавидела войну!

Однако делать было нечего. Пришлось ехать во Франкфурт, а затем в Гаагу. И она очутилась на родине – без денег (как-то вдруг все кончилось) и без чемоданов, которые вместо нее поехали в Париж.

Это был поистине ужасный месяц! Были дни, когда она, вынужденная экономить, не могла заказать в ресторане устриц или купить себе новое платье. Ей даже нечем было заплатить прислуге в отеле или оплатить поездку в такси! Правда, судьба пришла ей на помощь. Однажды, выходя из кино, она познакомилась с одним милым господином, банкиром Генрихом ван дер Шельком. Банкир оказался человеком не только милым, но и щедрым. Он оплатил все счета Маргарет, и она снова могла жить на широкую ногу. А когда Гаага наскучила, они перебрались в Амстердам. Таким образом, судьба, которая все норовила повернуться к Маргарет задом, наконец смиростивилась и опять показала ей свое лицо.

Тут, кстати, она возобновила знакомство со своим старым поклонником бароном ван дер Каппеленом, и тот устроил ей ангажемент в Гаагском королевском театре.

Для Маргарет возобновилась привычная жизнь: рестораны, модные портные, ночные кутежи... Теперь она могла себе это позволить. И это, и еще многое другое. Все, казалось, было благополучно. Но... В это самое время, ведя веселую жизнь посреди воюющей Европы, она страдала от невыносимой скуки! Уж так Маргарет была устроена: ей, как воздух, был необходим непрерывный приток новых впечатлений. А здесь, в Голландии, она чувствовала себя словно муха, попавшая в паутину. Ей нужны были Париж, Ницца, Рим, всеобщее обожание, новые поклонники... А здесь были только щедрые, но скучные Шельк и Каппелен.

Поэтому она так обрадовалась, когда Шельк познакомил ее с новым лицом. Его звали Герман Верфляйн. Правда, как большинство немцев, этот Верфляйн оказался довольно напыщенным. Он любил подчеркнуть свою важность, в разговоре так и сыпал именами генералов, маршалов и королевских особ, с которыми он, Верфляйн, находился на короткой ноге. Ну, этим ее трудно было удивить; она, в свою очередь, тоже называла влиятельных людей, с которыми была весьма близка. В основном это были французы, и Верфляйн слушал рассказы Маргарет с чрезвычайным интересом – бывало, даже о еде забывал, так и впитывал все, что говорила танцовщица.

И был один вечер... Ах, она и сейчас, после всего случившегося, хранит тот вечер в своей памяти. Где же они тогда сидели? Кажется, в «Ориноко». Болтали о пустяках. Потом разговор опять перешел на знатных людей, и Маргарет упомянула еще одного своего знакомого, барона Мирбаха. «А, Вернер! – воскликнул Верфляйн. – Как же, как же! Помню, мы с ним вместе охотились на оленей в имении графа Гогенлоэ...» Маргарет принялась расспрашивать. Как

видно, она проявила слишком много интереса к особе барона Мирбаха – слишком много для ничего не значащего светского разговора. И тут Верфляйн ее удивил. «Как я понял, мадам, – сказал он, – встреча с господином бароном вас взволновала». «Да, я всегда вспоминаю Вернера с особым чувством, – ответила Маргарет. – А почему вы спрашиваете?» «Сейчас объясню. Но сначала ответьте мне на один вопрос. Вы хотели бы снова встретиться с господином бароном?» «Да, конечно!» – воскликнула она. «В таком случае я берусь устроить вашу встречу в самое ближайшее время», – заявил новый знакомый.

И сдержал слово! Они с Вернером действительно увиделись, сначала в Гааге, затем в Амстердаме, а потом уехали в его родовое имение близ Кёльна. Снова были ночи, полные страсти, объятия, признания в любви... Она снова жила настоящей жизнью, а не влачила жалкое существование.

Так прошла неделя – поистине упоительная неделя. Днем она ездила с Вернером на охоту (она всегда любила ездить верхом, а близ имения находились прекрасные охотничьи угодья), а вечером они ужинали тем, что ее мужчина добыл на охоте. Чаще всего это были тетерева или куропатки. И был один вечер... Они сидели в роскошной столовой, лакеи, бесшумно скользя по паркету, приносили и уносили блюда. Потом Вернер выпроводил слуг и, когда они остались одни, сказал, что ему нужно сообщить ей нечто важное.

Оказывается, он, барон фон Мирбах, служит в военной разведке. Ведь теперь фатерланд ведет войну, и все немцы должны способствовать грядущей победе над врагом. И он хотел бы, чтобы его возлюбленная тоже способствовала этой победе.

Маргарет не восприняла его слова всерьез. «Помогать вашей победе? Но как? Может, мне тоже надо взять ружье, идти в атаку? Надеть мундир, а на голову – этот смешной железный шлем, который вы называете каской... Представляю, как я буду выглядеть!» И она весело рассмеялась.

Однако ее любимый не был настроен на веселый лад; он оставался серьезен. «Нет, дорогая, тебе вовсе не придется носить мундир и ходить в атаку. У тебя будет другая задача, более важная. Задача, с которой не справится ни один солдат, даже самый умелый, самый храбрый».

«Что же это за задача такая?» – спросила она.

«Разведка, Маргарет, разведка, – ответил барон Мирбах. – Я предлагаю тебе заняться тем же, чем занимаюсь сам, – добывать сведения для нашей армии. Причем те сведения, которые сможешь получить ты, будут гораздо важнее, чем все, что можем добыть я и мои коллеги. Ведь ты будешь вращаться в высших сферах Франции. Я знаю, что среди твоих близких знакомых есть министры, руководители департаментов, высшие военные чины... И заметь: тебе не придется ничем жертвовать! Ты будешь заниматься тем же, чем занималась и раньше, – то есть танцевать. Но при этом, танцуя, будешь способствовать нашей победе. Да, ты будешь вести двойную жизнь, но эта жизнь станет вдвойне интересней. Разве это плохое предложение?»

«Танцевать ради вашей победы... – задумчиво произнесла Маргарет. – Да, но... ведь за это расстреливают! Это будут танцы со смертью!»

«Чтобы расстрелять разведчика, его надо сначала поймать, – заметил Вернер. – А это не так легко. Мы научим тебя, как шифровать донесения, как скрываться от слежки. Научим всему, что потребуется в твоей будущей профессии. Да, и есть еще один момент в моем предложении. Это деньги. Я говорю об этом в последнюю очередь, потому что знаю, что для тебя деньги – не главное. И все же знай, Германия может быть щедрой, очень щедрой... Ну, и мы сделаем все, чтобы ты как можно быстрее вернулась в Париж. Ведь в Голландии нам разведчик не нужен – он нам нужен во Франции или Англии. Ну что, ты согласна?»

Маргарет задумалась. Конечно, все эти передвижения войск, дивизии и корпуса ее несколько не интересовали. И было немного неловко перед Францией, которая стала ее второй родиной, где она познала славу. Но Вернер был так красив, так убедителен! И потом, в поло-

жении секретного агента был своего рода шарм. Шпион на сцене! Танец с целью разведки! Да, тут был шик!

Она согласилась. А потом...

...Внезапно тревожная мысль, словно молния, проникла в ее окутанный дремотой мозг. То последнее донесение! Она записала его обычными чернилами и положила в косметичку, которую оставила у своей горничной, милой, но глуповатой Жюли. Это было важное донесение! Во время допросов ей его не показывали. Значит, не нашли. Но что, если дурочка Жюли откроет косметичку, найдет странную бумажку с какими-то цифрами и отнесет ее во французскую контрразведку? Тогда ее могут снова арестовать!

Едва она успела испугаться этой мысли, как тут же поняла ее абсурдность и громко расхохоталась. Арестовать! Разве можно арестовать женщину, которую расстреляли двенадцать солдат? Женщину, объявленную мертвой? Ведь с точки зрения закона она уже три дня как мертва, и ее тело уже давно покоится в могиле.

Кстати, а как насчет тела? Ведь кого-то должны были похоронить вместо нее? Надо будет спросить Антуана... Да, она спросит. Потом, когда проснется...

Боль окончательно отступила, и Маргарет погрузилась в глубокий сон.

Глава 5

Проснувшись, она обнаружила на стульях рядом с кроватью два аккуратно выглаженных платья, на выбор, и еще на одном стуле набор нижнего белья. Вскоре появился Антуан. Он заявил, что ужасно соскучился, пока она спала. Она заверила, что все время думала только о нем и тоже скучала. Последовали осторожные, чтобы не потревожить раненую руку, объятия, поцелуи. А затем доктор обрадовал свою больную, объявив, что находит ее состояние достаточно хорошим для того, чтобы начать вставать и совершать небольшие прогулки. Собственно, поэтому он и хотел к сегодняшнему вечеру купить ей все необходимое для первого выхода.

Жоржет помогла ей одеться, и Маргарет наконец покинула комнату, которая успела ей порядком наскучить. Опираясь на руку Антуана, она вышла в сад, с наслаждением вдохнула вечерний воздух. Стоял ноябрь, но ей казалось, что в воздухе уже пахло весной. Сад был обнесен стеной, так что никто не мог наблюдать за ее прогулкой. Все так же опираясь на своего поклонника, она обошла дом кругом, немного посидела на скамье, выкурив папиросу, первую после расстрела. И тут она вспомнила вопрос, который пришел ей в голову перед сном.

– Скажи, – спросила она у своего спутника, – а что стало с могилой? Вернее, кого похоронили вместо меня?

– Да, я думал об этом, еще когда готовился тебя спасти, – ответил доктор Моро. – Решить этот вопрос оказалось не так трудно. Ведь я работаю в тюремной больнице, и в арестантский дом при тюрьме постоянно привозят всякого рода пьяниц, бездомных, умерших в разных местах, где-нибудь под мостом. Там была одна женщина, ее нашли без всяких документов. Вот ее тело и было похоронено в той могиле, куда должны были положить тебя.

– Да, ты все предусмотрел! – воскликнула Маргарет. – Ты такой заботливый! – И заключила своего спасителя в объятия.

– Как бы мне хотелось обладать тобой! – прошептал влюбленный доктор. – Но нет, наверное, пока рано. Твоя рука... Еще несколько дней...

– Да, еще несколько дней придется подождать, – согласилась она. – А потом? Потом мы сможем уехать?

– Я бы предпочел немного выждать. Этого требует простая осторожность. Надо, чтобы все забыли о твоей смерти. Тогда...

– Ты хочешь сказать, надо, чтобы все забыли обо мне? – не дала ему договорить Маргарет. – Чтобы я стала никому не нужна? Никому не интересна?

– Нет, любимая, я хотел сказать вовсе не это! – защищался доктор Моро.

– Чтобы я провела здесь, в этом доме, годы и годы? – продолжала она, не слушая его. – Так вот, знай: такая жизнь не по мне! И разве это жизнь? Это унылое, скучное существование! Наверное, ты хочешь, чтобы я пожалела, что осталась в живых!

– Вовсе нет, дорогая! – воскликнул Антуан. – Все будет, как ты скажешь! Хочешь поскорее уехать? Значит, так мы и сделаем. Куда ты хочешь отправиться? Мы могли бы поехать в какую-нибудь страну, не затронутую войной. Например, в Грецию, или в Египет, или сесть на пароход и отплыть в Южную Америку.

– В Южную Америку? Ты еще скажи – в Африку! Что я буду там делать?

– А что ты хочешь делать, дорогая?

– Как что? Разумеется, то, что умею делать лучше всех, – танцевать!

– Танцевать? Но... Неужели ты не понимаешь?

– Чего я не понимаю?

– Как только ты сделаешь первые несколько движений на сцене, тебя тут же узнают! Сразу пойдут разговоры... Если слухи о твоём возвращении на сцену дойдут до французских властей, они могут провести эксгумацию, и обман сразу обнаружится!

Пожалуй, Моро был прав. Эта мысль не приходила ей в голову. Но не плыть же, в самом деле, в какую-нибудь Патагонию!

– Но если я должна отныне все время прятаться, зачем уезжать так далеко? – сказала она. – Спрятаться можно и в каком-нибудь монастыре в Провансе. Или в Тоскане. Вот куда я хочу – в Италию! Милан, Рим... Ведь, в конце концов, немного грима – и я смогу полностью изменить внешность, стать неузнаваемой!

– Да... пожалуй, да, – неуверенно ответил Антуан.

Какой он все-таки нерешительный, какой осторожный! Но ничего – она попробует его слегка перевоспитать.

– Вот и отлично! Ну, я думаю, прогулку можно и заканчивать. Как у нас насчет ужина? Я чертовски проголодалась!

– Вот дьявол! – воскликнул Антуан. – Я совсем забыл, что тебе сейчас надо лучше питаться. Пойдем, дорогая, Жоржет обещала приготовить прекрасный ужин!

Остаток дня они провели в столовой. Горели свечи, стол был неплохо сервирован. Блюда, приготовленные Жоржет, тоже оказались вполне съедобными, а «Бордо» было просто превосходным. Они очень мило беседовали. По просьбе Антуана Маргарет вспоминала концерты в Гааге и Милане, Берлине и Риме. Потом он стал расспрашивать о ее юности, о том, как она училась танцевать. Она так давно не вспоминала то время и была не против оживить память о тех днях. Маргарет стала рассказывать о своей жизни в Индонезии, на солнечном острове Ява, о своих детях, о муже. Да, и о муже тоже. Почему бы не вспомнить капитана Маклеода, ведь с ним связан большой кусок ее жизни. Потом поведала своему спасителю о посещении тайных обрядов яванских буддистов, о жреце, который учил ее священным танцам...

Ей вдруг страстно захотелось двигаться, танцевать. Правда, здесь не было музыки, но она могла обойтись и без нее. Маргарет встала и начала танцевать. Она то кружилась, то застывала на месте; ее тело сплетало тонкий узор, кружево, смыслом которого была любовь. Да, любовь! Она нащупала пряжку на плече, рванула – и платье скользнуло к ее ногам. Ей не надо было оглядываться на единственного зрителя этого спектакля – она и так знала, какими глазами он смотрит на нее, ощущала его восторг, его желание, которое раскалялось от ее движений, словно меч в горне кузнеца. Конечно, ей не хватало бус – они так живописно смотрелись на ее обнаженном теле! Но пусть, можно обойтись и без них.

Она сделала последний пируэт – и застыла перед ним, коленопреклоненная, с руками, протянутыми к нему, своему любимому. И нисколько не удивилась, когда в следующую секунду почувствовала, как сильные руки доктора поднимают ее, несут, несут... Куда? Конечно же, в постель. Здесь, на ложе любви, они провели большую часть ночи. Она отдавалась любви с упоением – ведь этого, как и танцев, она тоже долго была лишена и только сейчас, в объятиях Антуана, поняла, как изголодалось ее тело без мужских ласк. Она готова была впитывать их без конца, но, увы, Антуан не мог поспеть за своей подругой, хотя был намного моложе ее. Его натиск стал ослабевать и, наконец, вовсе прекратился, доктор забылся сном.

А Маргарет не спалось. Она поднялась с кровати, накинула на себя халат, наполнила бокал шампанским и села у окна. Легкий ветерок шевелил занавески, на востоке занималась заря. Любуясь этим зрелищем, Маргарет думала о том, что все еще возбуждает в мужчинах страстное желание, как и в юности. А ведь ей уже сорок один год! Как видно, у нее такой же дар к любви, как и к танцам. А ведь Рудольф, ее муж, смеялся, когда она заявила, что хочет посещать танцевальный кружок, учиться восточным танцам. Ах, да что говорить! Он все время смеялся над ней, ни во что не ставил. Просто чудо, что она смогла настоять на своем, преодолеть его неверие, чудо, что у нее не опустились руки.

Воспоминания о юности, которым она предавалась вместе с Антуаном, сейчас снова вернулись к ней. Теперь это были подлинные воспоминания, а не те легенды, что она рассказывала

журналистам и своим любовникам. Ведь она никому не говорила правду о тех годах. Слишком горькой была эта правда...

Глава 6

Маргарет вышла замуж, когда ей едва исполнилось восемнадцать. Ей было восемнадцать, а ее избраннику, капитану Рудольфу Маклеоду, тридцать девять. Неравный брак, что и говорить! Впрочем, выбирать ей не приходилось. Она вышла за капитана Маклеода не по любви – можно сказать, ухватилась за него, как за спасательный круг. Сирота, только что сбежавшая от своего опекуна и тирана, крестного отца, в Гаагу, к дяде, который тоже был не в восторге от племянницы. И потом, что значит – «не по любви»? Рудольф ей сразу понравился. Высокий, стройный брюнет с обветренным лицом. Настоящий морской волк! Он покориł ее сердце рассказами о пережитых на морях приключениях, о тайфунах и штормах. А еще ей понравились рассказы Рудольфа об Индонезии, куда они должны были отправиться сразу после свадьбы. Тропические острова, пальмы, удивительные обычаи, и много, очень много солнца... Это так отличалось от скучной, чопорной Голландии, в которой она родилась и выросла!

И вот они прибыли в Джакарту и поселились в собственном доме. На первых порах все шло хорошо. Рудольф сразу отправился в плавание (он водил суда в Китай, Австралию, в Южную Африку), а она осталась вести хозяйство. Это было так здорово! В ее распоряжении был собственный дом, целый штат слуг-малайцев... Она ездила по магазинам, покупала ткани, шила себе новые платья... А потом, когда Рудольф возвращался из плавания, они предавались любви. Бывало, по несколько дней не выходили из спальни, все не могли насытиться друг другом. Маргарет уже тогда, в молодости, поняла, в чем она сильна. В ней, в любви! Она всегда умела разжечь в мужчине страсть и поддерживать этот огонь, чтобы он не гас.

Увы, огонь их с Рудольфом любви горел не слишком долго. Трудно сказать, что послужило тому причиной, но как-то все разладилось. Внезапно выяснилось, что Рудольф совсем не так предан своей молодой жене, как ей казалось, что у него есть еще женщины – и здесь, в Джакарте, и в Сурабае, и в Маниле, и где-то еще. Женщины – и джин. Алкоголь тянул к себе капитана Маклеода так же сильно, как женщины. Все чаще он выходил в рейс смертельно пьяным и не просыхал во время плавания. Это не понравилось начальству, и капитанская карьера Рудольфа Маклеода села на мель. Его перестали посылать в дальние, ответственные рейсы, и пришлось капитану Маклеоду ограничиться каботажным плаванием в водах Яванского и Южно-Китайского морей. Это его страшно злило, и он пил еще больше.

Во всех своих бедах Рудольф Маклеод обвинял свою жену. Она никак не могла понять, как связан его алкоголизм, его мореходные ошибки с ней. Но Рудольф с пьяным упорством настаивал – это она, Маргарет, во всем виновата. Он стал обвинять ее в своих собственных грехах, то есть в изменах. Это было так несправедливо! Ведь вначале, в те первые месяцы, она не была грешна ни в чем, буквально ни в чем! Нет, она, конечно, замечала молодых красивых офицеров, иногда даже кокетничала с ними, но кто же этого не делает? Поэтому, впервые услышав эти обвинения, она бурно зарыдала! Месяц плакала, другой... А потом перестала. Маргарет решила, что должна отплатить мужу той же монетой. Нет, она не стала пить – алкоголь ее никогда особо не волновал. Она нашла себе другого мужчину, более достойного, чем Рудольф, – капитана Йохана ван Редеса. Сначала просто ходила к нему на свидания, а когда Рудольф устроил особенно безобразную сцену, ушла к нему и стала жить с ним, как с мужем.

О, как разозлился Рудольф! Пробовал драться с Редесом, даже вел речь о дуэли. Однако Йохан был моложе и сильнее его, и отбить жену силой у Маклеода не получилось. И тут выяснилось, что Рудольф все-таки привязан к своей Маргарет, тоскует без нее. Он начал уговаривать ее вернуться, обещал бросить разгульную жизнь, взяться за ум... В конце концов, она дала себя уговорить. Дала, потому что понимала, как шатко ее новое положение. Стоит Йохану охладеть к ней – и куда деваться в таком случае? Одной, без мужчины, белой женщине на Яве оставаться невозможно.

Они снова стали жить вместе. Рудольф держал себя в руках, и какое-то время казалось, что прежнее счастье вернется в их дом. Во всяком случае, появился его вестник – ребенок, их сын. Норман! Как она его любила, как нянчилась с крохотным пищущим кулечком! А спустя год она вновь родила, на этот раз девочку, Жанну. Да, в это трудно поверить, но у нее, прославленной танцовщицы и разбивательницы сердец Маты Хари, были дети.

Принято считать, что дети приносят радость. Особенно если ты живешь в достатке и можешь себе позволить держать слуг и няню. Они с Рудольфом могли это позволить; в их доме было много слуг, и няня, и повар. Но как раз эта прислуга принесла им страшное горе. Рудольф рассердился на повара и выгнал его. Тогда этот негодяй подговорил свою жену, которая осталась в доме няней, дать детям отравленную пищу. Оба ребенка мучились. Норман умер, а Жанна сумела выжить.

Какое это было горе для нее! А тут еще Рудольф решил утолить свое горе обычным способом и снова стал пить. Она, наверное, умерла бы от страданий, если бы не нашла себе утешения. Нет, не в объятиях Йохана. Она нашла его в танцах.

Она не лгала, когда говорила, что научилась танцевать на Востоке. Просто чуть-чуть украсила правду, рассказывая про посещение «яванских древних храмов», где какие-то жрецы учили ее священным ритуальным пляскам. Не было никаких жрецов и никаких храмов. На Яве укрепляли свою власть мусульмане, оттесняя прежние обычаи, связанные с буддизмом и индуизмом. Эта культура уходила, но еще оставалась. И Маргарет ходила в местный танцевальный кружок и прекрасно себя чувствовала среди музыкальных малайцев. Учителя-малайцы и научили ее тем экзотическим для Европы движениям, которые так восхищали парижскую публику. С каждым разом у нее получалось все лучше и лучше.

Там, в танцевальном кружке, беседуя с другими ученицами-малайками, она и придумала свой артистический псевдоним. Мата Хари... По-малайски это значит «глаз света», то есть попросту Солнце. То есть она, Маргарет, стала солнцем. Ей сразу понравилось это имя, и она стала употреблять его все чаще. А еще она поняла, что ее танцы нравятся людям. Что-то было в ней, какая-то природная грация, очарование, которое заставляло зрителей смотреть на нее, не отрывая глаз. Правда, пока этих зрителей было мало, всего лишь ее напарницы по танцевальному кружку, их братья и отцы, провожавшие девушек на занятия. Эти люди ничего не платили за то, что смотрели на танцы Маргарет. Но ведь в другом месте, где-нибудь в Европе, могли и платить... Она все чаще стала подумывать об артистической карьере.

А Рудольф смеялся над ней! Издевался над ее желанием танцевать, изучать восточные обычаи, одеваться в малайскую одежду. Рассказывал всем знакомым, что у нее плоскостопие, что она и ходить-то толком не умеет, не то что выступать на сцене. Он никак не мог смириться с тем, что у его юной жены появилась в жизни какая-то перспектива, что она более не находится всецело в его власти. Он был самым настоящим деспотом, Рудольф. Сейчас, вспоминая те дни, Маргарет приходила к выводу, что если бы он не был труслив, то, наверное, убил бы ее. Убил бы в тот день, когда она заявила, что хочет уйти. Не к Йохану (капитан Ван Редес к тому времени сменил место службы и уехал с Явы), а вообще уйти. Развестись. Это произошло спустя два года после трагедии с детьми. Рудольф устроил страшный скандал, бил посуду – прямо как баба! Потом была еще целая череда скандалов, она уходила жить в гостиницу... Но, в конце концов, Маклеод смирился с желанием жены. В 1903 году они вернулись в Голландию и сразу же начали бракоразводный процесс. Правда, напоследок ее деспот-муж сумел причинить ей еще одно горе: он смог-таки убедить судей в том, что его юная жена – существо ветреное и изменяла ему, и добился, чтобы право воспитывать их дочь, Жанну, отдали ему. С тех пор Маргарет видела свою дочь всего один раз. И сейчас не знала, где она.

Хотя, с другой стороны... Следует признаться: девочка бы сильно ее обременила. Ну, какая из нее няня, какая воспитательница? При ее артистической жизни, полной постоянных разъездов, встреч с разными людьми, где бы она нашла время и силы, чтобы воспитывать дочь?

Но тогда, в Амстердаме, узнав о решении суда, она чувствовала себя обделенной и очень, очень несчастной.

А потом... Потом она сбросила с себя прежнюю жизнь, словно ветхую одежду, и шагнула в новую, сверкающую и манящую. Маргарет поехала в Париж... О, как он ее очаровал, этот город! Очаровал и поразил. Она сразу поняла, что именно здесь добьется успеха. Здесь, и нигде больше.

Правда, поначалу она выбрала неправильное место, почему-то вообразив, что ее восточные одежды (а она вывезла с Явы целый ворох малайских нарядов и тканей) лучше всего будут смотреться в цирке. К тому же она на Яве брала уроки верховой езды, много ездила верхом, и ей это занятие нравилось. Вот она и решила стать цирковой наездницей. Выбрала себе псевдоним «леди Греша» и вышла на арену.

Больше года она этим занималась. Какие-то деньги зарабатывала, на жизнь хватало. Но это было не то, совсем не то! И она приняла решение – будет танцевать. К тому времени у нее уже было много друзей в Париже. Один из них свел Маргарет с русской певицей Киреевской. Та уже имела известность, у нее был собственный салон. И она предложила Маргарет выступить в этом салоне.

Дебют новой танцовщицы состоялся в январе 1905 года и прошел с необычайным, потрясающим успехом! Ей аплодировали, ее вызывали, сцена была засыпана цветами... А потом она познакомилась с мсье Гимэ, и состоялся тот знаменитый вечер в его особняке, превращенном в музей, с которого началась ее всемирная слава...

Да, слава... Маргарет получила от публики все, о чем только может мечтать артист. Ее обожали, ее засыпали подарками, зрители были готовы платить за каждый миг ее пребывания на сцене... Она выступала в самых знаменитых театрах... Отчего же она променяла весь этот успех на карьеру шпионки, которая в любой момент могла закончиться тюрьмой и эшафотом? Ведь не так уж она любила деньги, и не такие большие деньги обещали ей германские вербовщики! И не одна любовь к Вернеру фон Мирбаху привела ее на этот путь. О любви к Германии и говорить нечего – она никогда не испытывала к этой стране никаких чувств. Так что же стало причиной? Неужели ей так нравилась опасность?

Она задумалась. Да, пожалуй. Риск всегда был ей по душе. На Яве она любила, катаясь верхом, проехать прямо под носом у слона. Хотя ее предупреждали, что делать этого нельзя, животное может разозлиться и погнаться за лошадьё. Вот и здесь Маргарет решила подразнить «французского слона»...

Но нет, пожалуй, основная причина в другом. В молодости она всегда была человеком незначительным. И муж постоянно внушал своей молодой жене, что она никто и ничто, полный ноль. Поэтому ей страстно хотелось стать кем-то, с кем считаются. Танцы были, конечно, важны, но не настолько. А вот разведка... Как обхаживали ее все эти немецкие полковники, и во Франкфурте, и в Кёльне! Да, эту историю ей приятно вспоминать, не то что годы, проведенные с Рудольфом! Она налила себе еще шампанского, закурила и снова погрузилась в воспоминания...

Глава 7

Из родового имения фон Мирбахов они с Вернером отправились в Брюссель, в оккупированную немцами Бельгию. Там ее возлюбленный познакомил Маргарет с немецким генерал-губернатором Бельгии бароном Биссингом, весьма неприятным и чванливым стариком, и с руководителем немецкой разведки, или же «службы IIIb», полковником Николаи.

Глава немецкой разведки был очень обходителен. Он заявил, что бывал на выступлениях Маты Хари и покорен ее танцами, игрой ее тела. Вообще наговорил ей кучу комплиментов, порой весьма двусмысленных. Но не грубых, нет, совсем не грубых. Она поняла, что Николаи – очень умный и тонкий человек.

Впрочем, она провела с руководителем немецкой разведки не так много времени. Николаи присвоил ей кодовое имя разведчика. Отныне у артистки Маты Хари был собственный позывной «Х-21». После этого он познакомил Маргарет с человеком, которому надлежало стать ее постоянным куратором, ввести ее, так сказать, в таинственный мир шпионажа. Звали этого человека Курт Репель, он был майором. Курт объяснил ей, что им предстоит вместе отправиться в Германию, где ее обучат всем секретам шпионского мастерства.

К сожалению, Вернер не мог сопровождать Маргарет к месту учебы – ему надо было вернуться в штаб армии, где проходила его служба. Расставание было очень трогательным. Впрочем, Вернер обещал, что они будут часто видеться – ведь теперь они оба делали общее дело и служили в одном ведомстве. А кроме того, она с первой минуты знакомства с Куртом почувствовала, что найдет в его лице не только учителя и наставника, но и преданного друга, на которого может вполне положиться. Ну, и, конечно, Курт был красив. Правда, небогат и оттого скуповат, а она не любила в мужчинах эту черту. Ну, да ведь не у всех есть такая куча достоинств, как у барона Мирбаха.

Из Брюсселя они с Куртом отправились во Франкфурт, где поселились в отеле «Франкфуртер гоф». Разумеется, в разных номерах. А неподалеку, в специально снятом германской разведкой помещении, проходила ее учеба. Учителей было несколько. Прежде всего сам Курт, а еще сухопарая, вечно сердитая дама, которую звали Генриетта. Она проводила с Маргарет мнемонические курсы, или же занятия по развитию памяти: учила быстро запоминать текст, или схему, или карту, которую удалось увидеть лишь на несколько секунд. Эти упражнения ей нравились, они были похожи на игру. Еще Генриетта учила нового агента шифровать свои донесения, оформлять их в виде таблицы, заносить туда номера полков и дивизий.

Это было довольно скучно, так же как и занятия по копированию. Ей надо было научиться быстро и правильно копировать различные чертежи и схемы. Иногда это можно было делать обычным карандашом или чернилами, а иногда специальными чернилами, предназначенными для разведчиков. Три склянки с такими чернилами Генриетта вручила Маргарет и научила ими пользоваться. Написанный этими чернилами текст вскоре исчезал, и страница бумаги казалась совершенно белой. Ей понравился этот «фокус», и она с удовольствием занималась тайнописью. В конце концов выяснилось, что Генриетта не такая уж зануда, просто она была очень требовательной и боялась, что новая ученица окажется бестолковой. Когда же Маргарет проявила интерес к занятиям, они с Генриеттой подружились.

Ну, а Курт... С каждым днем, с каждым часом, проведенным вместе, он все сильнее привязывался к Маргарет и под конец уже не мог прожить без нее и дня. Они проводили вместе все время, свободное от занятий. Занятия с Куртом тоже были интересными. Он учил Маргарет обнаруживать слежку и затем сбивать шпионов со следа, уходя через заранее обнаруженные проходные дворы и запасные выходы отелей и ресторанов. Учил, как правильно вести разговор с нужным человеком, чтобы вывести его на тему, которая была интересна агенту «Х-21»,

а значит, и Германии. То есть это скорее были занятия по психологии, чем по шпионскому мастерству.

Был и третий учитель, которого звали Герд Мюллер. Он учил Маргарет фотографировать. Вообще-то снимать она умела и раньше, но это были чисто любительские упражнения с громоздким, похожим на тумбочку аппаратом. А герр Мюллер вручил ей маленький, похожий на шкатулку аппаратик и научил им пользоваться. Чаще всего надо было снять нужные кадры (военную технику, или людей, или чертежи и схемы), потом проявить пленку и выслать ее в виде донесения. Но иногда, когда не было времени возиться с пленкой, следовало просто запаковать фотоаппарат в черную бумагу и переслать его в пакете.

Были еще другие инструкторы: одни учили ее делать самой себе уколы, чтобы снять сонливость или остановить кровь, другие – умению стрелять из револьвера. Занятия по стрельбе ей тоже нравились.

Она готова была учиться еще и еще, но тут ей объявили, что обучение закончено. То есть в обычное, мирное время оно бы продолжалось еще долго – как объяснил Курт, учеба будущих разведчиков длилась не меньше года, а иногда и два. Но сейчас шла война, и данные от агента «Х-21» были нужны срочно. Командование настаивало, чтобы нового агента как можно скорее переправили в столицу Франции.

Из Брюсселя приехал полковник Николаи. Маргарет устроили нечто вроде экзамена, на котором глава немецкой разведки играл роль главного экзаменатора. Как ни странно, экзамены прошли успешно. Самым интересным и в то же время самым ответственным стало практическое испытание. Полковник Николаи на пару с майором Репелем имитировали в присутствии Маргарет разговор французских военных – непринужденный светский разговор, который мог бы состояться где-нибудь в отдельном кабинете ресторана (разумеется, беседа шла на языке Вольтера – немцы его хорошо знали). От Маргарет требовалось уловить, что в этой беседе представляет интерес для германской разведки, запомнить эту важную часть и при первой же возможности записать условным шифром. А затем, уже расставшись со своими «французскими друзьями», составить донесение и отослать его.

С этой трудной работой Маргарет справилась блестяще – она поняла, что брошенное вскользь упоминание о переброске двух полков с одного участка фронта на другой может означать подготовку наступления, и отразила это в своем донесении. Прочитав его, полковник Николаи заявил, что восхищен подготовкой агента «Х-21» и дает «добро» на ее отправку в Лондон (как ей объяснили, плыть из Голландии прямо в Кале было нельзя – это могло бы вызвать подозрения). Сразу же после экзамена ей выдали обещанные деньги (сумма была немаленькая, столько она получила бы за месяц выступлений на сцене), а также весь шпионский антураж: бутылки с симпатическими чернилами, замаскированными под краску для волос, и таблицу с шифром. Вручили также фотоаппарат, маленькие пакетики с порохом (если их разбросать в людном помещении, они взрывались и отвлекали внимание) и специальный макияж, с помощью которого можно было легко изменить свою внешность: цвет лица и волос, наложить или убрать морщины и тому подобное. Правда, ей не дали никакого оружия. Видя ее удивление по этому поводу, Николаи объяснил: «Вам не нужен пистолет, моя дорогая. Во всяком случае, сейчас не нужен. Оружием разведчика являются его глаза, уши, наконец, его ум. Разведка – это схватка двух интеллектов. Если же вам потребуется схватиться с врагом, надеюсь, вы сможете найти оружие. Ну, а стрелять мы вас научили». Мысль о том, что разведка – это прежде всего проявление интеллекта, была ей внове и очень понравилась.

После экзамена Маргарет попрощалась с Куртом Репелем и отправилась в Гаагу – уже одна, гордая, независимая и опасная. Она так и ощущала себя – как опасную женщину, с которой отныне должны считаться все эти важные военные чины.

Правда, в Гааге пришлось пройти еще один инструктаж. На этот раз ее инструктировал германский консул (а на самом деле разведчик) Герхард Крамер. Он был так же вежлив

и обходителен, как и полковник Николаи. Крамер объяснил Маргарет, что отныне она будет играть важную роль при принятии решений германским Генеральным штабом. Без ее сведений немцы и их союзники не начнут наступления, не двинут ни одной дивизии. «Подумайте, мадам Маклеод, какая ответственность ложится на ваши хрупкие плечи, – веско говорил консул. – От вас будут зависеть судьбы тысяч людей! Даже десятков тысяч. Все эти молодые германские солдаты могут погибнуть под пулеметами союзников, а могут остаться в живых – если вы правильно составите донесение и вовремя пришлете его в наш штаб. Вы не боитесь такой ответственности?»

«Нет, господин консул, не боюсь», – ответила она. А сама при этом подумала, что господин Крамер почему-то не упомянул о тысячах французских солдат, которые тоже могут погибнуть. Но ведь на войне кто-то должен умирать, правда ведь?

«Что ж, тогда с Богом!» – торжественно произнес Крамер, прощаясь с ней. Можно сказать, он ее благословил. Вот тут она ясно почувствовала, что немцы на нее действительно надеются. И это подкупало. Никаким другим способом она не могла бы подняться так высоко, играть столь важную роль.

Следующие несколько недель прошли словно в тумане. Пароход, шедший в Дувр, разговоры пассажиров о немецких подводных лодках, которые топят суда в Ла-Манше... Она точно знала – ей немецкие торпеды не угрожают; пароход, на котором плывет агент «Х-21», придет в Англию целым и невредимым. Затем Лондон, ожидание документов... И вот, наконец, она снова на пароходе, который привез ее в Гавр. Франция! Как она радовалась встрече с ней, совершенно при этом не задумываясь, что стала врагом для этой страны.

И вот она в Париже... Это были незабываемые часы! И город, казалось, радовался ей. Во всяком случае, все ее старые знакомые проявляли бурную радость, узнав о ее возвращении. Маргарет нисколько не кривила душой, рассказывая своим парижским друзьям, как она страдала в разлуке с любимым городом, в разлуке со сценой. Уже спустя несколько дней после возвращения она получила контракты на выступления в Фоли-Бержер и «Мулен Руж». С каким упоением она танцевала! Как ей аплодировали!

Ну, а потом началась обычная жизнь. И частью этой жизни стали встречи с новыми знакомыми – людьми, игравшими не последнюю роль во Французской республике. Их было много, этих людей. Не зря Маргарет в разговорах с господином Верфляйном так и сыпала именами влиятельных французов, с которыми водила дружбу. Теперь она возобновила старые связи и завела новые знакомства.

Одним из первых ее новых знакомых стал милый молодой человек, начальник департамента в министерстве иностранных дел Шарль Бижо. Она провела немало вечеров в общении с ним – и в ресторане «Максим», и в ее номере в гостинице, и в загородных отелях, куда они отправлялись вместе с Шарлем. От него она узнала о сроках прибытия во Францию русских частей, о переговорах президента с русским императором, на которых были согласованы сроки русских наступательных действий в Галиции. Эти разговоры с Шарлем Бижо легли в основу ее первых донесений.

Столь же много ей принесло общение с юным лейтенантом Жаном Аллором и бывшим военным министром Адольфом Мессими. Трудно представить двух столь разных людей, как юный и пылкий лейтенант и престарелый, хотя и молодящийся бывший министр. Объединяло их одно: отличное знакомство с оперативными планами французского Генерального штаба. Разумеется, они не докладывали знаменитой танцовщице об этих планах. Если бы Аллора и Мессими спросили, говорили ли они с мадемуазель Матой Хари о делах службы, оба уверенно ответили бы, что ни в коем случае. Так, какие-то крохи, намеки. Но и этого ей было достаточно, чтобы составить второе и третье донесение.

А ведь был еще генерал Вильнёв! И, наконец, самая крупная рыба, заплывшая в ее сети, – генеральный секретарь министерства иностранных дел Жюль Камбон. Она хорошо помнит тот

вечер, когда услышала разговор Камбона с его другом, банкиром Руэ, о перспективах военных действий. Из этого разговора было понятно, что французы опасаются немецкого наступления в Лотарингии и намерены стянуть туда дополнительные силы. Той же ночью она составила свое четвертое донесение – самое важное, как ей впоследствии сказали.

Свои донесения Маргарет относила в условленное место – в магазин готового платья на улице Риволи. Бумаги, которые она вручала владельцу магазина, выглядели как заказ на поставку различной одежды. Иногда мадемуазель Мата Хари заказывала дюжину юбок, а иногда – шелковое нижнее белье. Сам по себе заказ ничего не значил. Главное было записано на обороте бумаги симпатическими чернилами, которыми ее научили пользоваться во Франкфурте. Она точно не знала, как именно эти сведения были переправлены в Берлин, но следила по газетам за ходом военных действий. И когда спустя две недели после отправки четвертого донесения услышала о германском наступлении под Верденом – наступлении, которое стало полной неожиданностью для французского командования, – поняла, что ее информация дошла по назначению.

Так и шла ее жизнь в Париже. Она передавала шифровки каждый месяц. Иногда это были совершенные пустяки – например, о том, что французы решили расформировать свои конные полки и больше не использовать конницу, которая несла большие потери. А иногда ей удавалось узнать нечто весьма важное. Например, в июне 1916-го Маргарет узнала, что в Гавре разгружаются какие-то огромные бронированные машины, присланные из Англии, англичане собирались использовать их при прорыве немецкой обороны на Сомме. Кажется, это ее сообщение немцы признали самым ценным за все время ее работы. Она поняла это, когда спустя месяц после очередного выступления получила огромную корзину роз, а в ней – коробочку с бриллиантовым кольцом. Кроме кольца в коробочке также лежала записка, состоявшая лишь из одного слова: «Danke!» Да, это кольцо... Его конфисковали у нее после ареста, вместе с другими драгоценностями. А ту косметичку, с последним неотправленным донесением и чернилами, что была у Жюли, не тронули. И о магазине на улице Риволи ничего не узнали. Значит, она могла бы снова написать очередную шифровку и отнести ее... Вернуться на эту сцену, станцевать на ней новый опасный танец... Могла бы? Но как? Ведь самую важную информацию она получала от французских чиновников и генералов и добывала ее чаще всего в постели. Да, она, можно сказать, торговала собой, шла на близость с толстыми пожилыми господами, только чтобы узнать, куда будет направлен удар французских войск и когда придут на фронт дивизии английских союзников. Как она сможет снова сблизиться с этими важными лицами? Ее тут же арестуют! И на этот раз расстрел будет настоящим, и милый, хотя и скучноватый Антуан ее не спасет.

Выходит, не стоит и надеяться? Или все-таки такая возможность есть? Маргарет решила тщательно обдумать это в другой раз. Сейчас все-таки поздно, и глаза у нее слипались. Она сбросила халат, тихо вернулась к постели и легла, стараясь не потревожить беспечно спавшего любовника.

Глава 8

Следующие несколько дней запомнились Маргарет как время ожидания. Она ждала возвращения к настоящей, подлинной жизни. Самую важную роль здесь играла, конечно, ее раненая рука. С рукой на перевязи нельзя было толком танцевать, неудобно было заниматься любовью (а эти занятия у них с Антуаном вошли в привычку). И, уж конечно, с этой перебинтованной рукой нельзя было отправиться на Лазурный Берег, выйти в люди. А ей очень хотелось после выздоровления поехать в Ниццу, Монако, Монте-Карло – во все эти волшебные места, где собирается высшее общество, где у людей чаще бьется пульс и кровь быстрее бежит по жилам. Хотя была у нее и другая мечта, самая заветная – Париж...

Она так часто говорила Антуану об их будущей поездке, что доктор Моро, в конце концов, смирился с такой перспективой и стал прикидывать, как осуществить этот план. В первую очередь он решил изменить внешность своей возлюбленной. Поэтому большую часть дня Маргарет проводила за зеркалом: примеряла парики, накладки, шиньоны, наносила грим, удлиняла брови... И где-то спустя неделю получила тот новый облик, который понравился ей самой.

Занимаясь гримированием, она никого не впускала в свою «артистическую уборную», как в шутку именовала свою комнату. Но теперь она кликнула Жоржету и велела ей позвать доктора Моро.

Доктор явился буквально через минуту – он за эти дни привык безропотно и быстро выполнять все прихоти своей возлюбленной. Антуан вошел в комнату и увидел незнакомую блондинку, которая сидела у окна боком к нему. Она строго посмотрела на него и сказала:

– Сударь, я просила бы вас впредь спрашивать разрешения, прежде чем входить в комнату дамы. Я могла быть не совсем одета...

– Простите, сударыня, – ответил опешивший Моро, – но я ожидал увидеть здесь свою знакомую Маргарет... Вы не знаете, где она?

– Пошла погулять.

– Вот как? А... кто же тогда вы?

– А вы попробуйте догадаться, кто я, – игривым тоном произнесла блондинка. – Вы должны меня немного знать...

Произнеся эти слова, она рассмеялась. И только теперь в голове у доктора словно что-то щелкнуло, и он узнал даму, сидевшую возле окна.

– Маргарет! Как ты меня напугала! Как это тебе удалось?

– Наверное, я правильно подобрала грим и все остальное, – ответила Маргарет.

Антуан подошел ближе и стал внимательно разглядывать свою возлюбленную, принявшую новый облик. Теперь стало ясно, что главную роль в преображении Маты Хари сыграл соломенного цвета шиньон. Он совершенно скрыл ее черные волосы, к тому же теперь они были по-иному уложены, и это тоже меняло облик женщины. Кроме того, она перекрасила брови, сделала более бледным лицо. Строгое черное платье, вместо привычных для Маты Хари светлых одежд, дополняло картину. В целом получалась совсем другая женщина, казавшаяся значительно моложе Маты Хари.

– Да, в таком виде тебя невозможно узнать, – признал Антуан. – Только когда подходишь совсем близко. А еще голос! Ты изменила голос!

– Просто я стараюсь говорить чуть более высоким голосом, чем обычно, – ответила Маргарет. – Но от этого, наверное, придется отказаться: трудно все время держать нужный тембр. Ну что, теперь ты убедился, что мы можем выйти в свет и мне не грозит опасность быть узнаваемой?

– Да, согласен, узнать тебя трудно, – согласился Моро. – Но все-таки я бы не стал рисковать и встречаться с людьми, которые тебя хорошо знают. Стоит им подойти поближе, и обман раскроется.

– Что ж, я постараюсь не подходить поближе ни к министру Камбону, ни к генералу Вильнёву, ни к барону Ротшильду, – заявила Маргарет. – Кроме этих троих, есть еще десяток... ну, два десятка людей во Франции, которые меня хорошо знают. Мы постараемся с ними не встречаться.

– Да, постараемся, – подхватил Антуан. – К тому же мало вероятности, что сейчас, зимой, все эти известные люди вдруг поедут на Лазурный Берег. Они туда отправляются обычно летом.

– Да, верно... Но...

– Что, дорогая?

– Если мне так хорошо удалось изменить свою внешность и стать неузнаваемой, может быть, мы изменим и наш план? Может быть, мы поедем гораздо ближе? Не в Ниццу, а в Париж?

– Ты опять про Париж! – воскликнул он. – Но мы тысячу раз об этом говорили! И ты согласилась со мной, что там намного опаснее, чем в Ницце или Монако. Зачем же вновь заводить этот разговор?

– Затем, что я хочу в Париж! – твердо заявила Маргарет. – Да, сначала я ставила перед собой совсем легкую цель – побывать в этот «мертвый» сезон у моря. Но теперь, когда я так успешно изменила свою внешность, считаю, что вправе желать большего. Я вчера читала в «Фигаро», что на бульварах идут новые спектакли, а в «Мулен Руж» снова танцует Нижинский. Я хочу, хочу туда! И знай: если ты не захочешь отпустить меня в Париж, то я не захочу с тобой встречаться!

– Как же ты не будешь со мной встречаться? – пожал плечами Моро. – В конце концов, мы живем в одном доме...

– Да, мы живем в одном доме и поневоле встречаемся в столовой и других местах. Но в твоей спальне мы встречаться не будем, ясно? И сюда, в мою комнату, тебе тоже вход будет закрыт. Войти ко мне ты можешь только с известием о поездке в Париж!

Доктор Моро полагал, что Маргарет сказала эти слова, не подумав хорошенько, и он сможет ее уговорить. Но он плохо знал характер своей возлюбленной. О, это был поистине железный характер! Когда Маргарет чего-нибудь сильно хотела, она готова была пожертвовать многим ради достижения заветной цели. А в этом случае и жертва с ее стороны была не слишком велика. Если говорить начистоту, милый Антуан был не самым умелым и не самым страстным любовником из тех, кого она знала. И она могла потерпеть какое-то время без его ласк.

А вот доктор Моро, как вскоре выяснилось, успел привыкнуть к обществу своей прекрасной гостьи. И не только к ее обществу днем, в столовой и на дорожках сада, но, главным образом, – к ее обществу ночью, в постели. Жоржет, отличавшаяся большим любопытством, выйдя ночью из своей каморки и стоя за углом коридора, без труда услышала, как Антуан до часу ночи уговаривал свою прекрасную гостью сменить гнев на милость и открыть ему дверь. Маргарет осталась непреклонной, и доктор Моро был вынужден провести эту ночь в своей холостяцкой постели. Эта сцена повторилась и во вторую ночь, и в третью. А утром четвертого дня Антуан сдался. Войдя в столовую, где Маргарет с большим аппетитом поглощала гренки с джемом, он отослал служанку и глухим, срывающимся голосом заявил:

– Хорошо, ваша взяла! Если вы так настаиваете, завтра мы поедем в Париж. Вы удовлетворены?

– О, Антуан! – воскликнула Маргарет, вскочила, едва не опрокинув стул, и обвила руками шею своего возлюбленного. – Я так рада, так рада! – шептала она ему на ухо. Завитки ее волос щекотали ему шею, он впитывал аромат ее духов. – Если хочешь знать, я так тосковала без тебя!

– Ты тосковала? – спросил доктор, который еще не расстался с ролью отвергнутого любовника. – А мне казалось, что ты прекрасно обходилась без меня!

– Нет, нет! – уверяла она. – Мне было так одиноко! Значит, мы едем завтра? Это точно?

– Ведь я уже сказал: да, едем.

– Но что же мы стоим? – спохватилась Маргарет. – И почему ты второе утро не завтракаешь со мной? Садись, Жоржет сейчас принесет тебе поесть.

– Не надо, у меня абсолютно нет аппетита... – попробовал отказаться Антуан.

Но она тут же убедила его, что все это глупости, что с аппетитом у него все в порядке. И, когда Жоржет принесла доктору его завтрак, Маргарет принялась расспрашивать о деталях их будущей поездки. В каком отеле они остановятся? Куда пойдут в первый вечер? Где будут ужинать? Ей бы хотелось поужинать у «Максима». Она так привыкла к этому ресторану! Только там умеют по-настоящему готовить! Как они проведут следующий день?

Выяснилось, что доктор еще ничего не продумал. Она упрекнула его за такую беспечность и тут же стала строить планы. В них входили и опера, и «Мулен Руж», и Елисейские Поля... Антуан почти не возражал. Ему было важно только одно, и это ему обещали...

Мир между любовниками был восстановлен, и эту ночь они провели вместе. А на следующий день с утра начались сборы. Двуколка доктора Моро остановилась у крыльца, и Жоржет начала бегать из дома к двуколке, загружая ее багажом. Здесь были платья и туфли мадам, костюмы доктора, косметика, грим... Наконец погрузка была закончена, кучер сел на козлы, Моро сел на сиденье рядом с Маргарет, и повозка выехала из ворот сада.

Как долго Маргарет ждала этого момента! Всего три недели она провела, не выходя за пределы усадьбы доктора Моро, а ей казалось, что прошла целая вечность. Она жадно оглядывалась, впитывая глазами каждую деталь. Стоял уже ноябрь. Безрадостный месяц! Деревья стояли голые, на полях не видно было работающих крестьян, а из садов и перелесков не доносились звонкие птичьи трели. Но все равно ей было интересно наблюдать за пейзажем, медленно проплывающим мимо двуколки, и казалось, что в воздухе пахнет весной – хотя бы отдаленно.

Через полчаса они прибыли на станцию, и началась суeta погрузки в вагон. Поезд тронулся, унося ее в столицу Франции, столицу мира.

Они заранее решили, что не станут шиковать, останавливаясь в каком-то роскошном месте вроде «Отеля короля Георга», а выберут что-нибудь скромное и приличное. Антуан Моро остановил свой выбор на отеле «Милан» на улице Шайо, Маргарет не возражала. Ей было почти все равно. Конечно, не совсем все равно – ее тянуло к роскоши, – дорогие ковры в вестибюле, швейцар в ливрее, который распахивал бы перед ней дверь, большая ванна в номере... Но «Милан» ее вполне удовлетворил. Главное, чего ей сейчас хотелось, – попасть в оперу, а затем поужинать в дорогом ресторане. Вот тут она была непреклонна и потребовала, чтобы они ужинали не где-нибудь, а в «Максима».

В оперу они ехали на такси. Это было ей внове – она привыкла к пролеткам. Оказалось, что за какой-то год, пока она находилась в заключении, автомобили прочно вошли в жизнь парижан. Теперь свет предпочитал новое средство передвижения, все дружно распродавали экипажи и рассчитывали кучеров.

А вот и знакомое здание оперы! Поток людей поднимался по ступеням, устремлялся к знакомым ей дверям. Вот тут ничего не изменилось: дамы все так же кутались в собольи манто, время от времени сквозь распахнувшиеся меха сверкали драгоценности. Антуан и Маргарет, согласно договоренности, не стали гулять по вестибюлю. Это было бы слишком опасно: можно нос к носу столкнуться с кем-то из тех, кто хорошо знал Маргарет. Поэтому они сразу прошли в ложу.

В опере в тот вечер давали «Арлезианку». Ее никогда не увлекала эта драма Доде, но музыка великого Бизе была восхитительна! Она только теперь поняла, как ей в ее заточении

не хватало всего этого: наполненного людьми зала, шелеста шелков, вида красивых женских лиц, а главное – музыки!

Наслаждаясь ею, она в то же время не забывала оглядывать партер и ложи. И вдруг ее глаза выхватили в партере одно мужское лицо. В этот миг Маргарет перестала слышать музыку, перестала замечать что-либо, кроме этого лица. Она даже дышать перестала – так ей стало страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.